

Антон Павлович Чехов.

На страстной неделе

- Иди, уже звонят. Да смотри, не шали в церкви, а то Бог накажет.

Мать сует мне на расходы несколько медных монет и тотчас же, забыв про меня, бежит к остывшим угогам в кухню. Я отлично знаю, что после исповеди мне не дадут ни есть, ни пить, а потому, прежде чем выйти из дома, насильно съедаю краюху белого хлеба и выпиваю два стакана воды.

На улице совсем весна. Мостовые покрыты бурым месивом, на котором уже начинают обозначаться будущие тропинки; крыши и тротуары сухи; под заборами сквозь гнилую прошлогоднюю траву пробивается нежная молодая зелень. В канавах, весело журча и пенясь, бежит грязная вода, в которой не брезгают купаться солнечные лучи. Щепочки, соломинки, скорлупа подсолнухов быстро несутся по воде и цепляются за грязную пену.

Проезжает извозчик. Он чмокает, дергает вожжи и не видит, что на задке его пролетки повисли два уличных мальчика. Я хочу присоединиться к ним, но вспоминаю про исповедь, и мальчишки начинают мне казаться величайшими грешниками.

Церковная паперть суха и залита солнечным светом. На ней - ни души. Нерешительно я отворяю дверь и вхожу в церковь. Тут, в сумерках, которые кажутся мне густыми и мрачными, как никогда, мною овладевает сознание греховности и ничтожества. Паникадила и подсвечники одеты в черные, траурные чехлы; лампадки мелькают тускло и робко; солнце как будто умышленно минует церковные окна.

За свечным шкапом стоит Прокофий Игнатьич, старый отставной солдат, помощник церковного старосты. Подняв брови и поглаживая бородку, он объясняет полупшепотом какой-то старухе:

- Утренняя будет сегодня с вечера, сейчас же после вечерни. А завтра к часам ударят в восьмом часу. Поняла? В восьмом.

А между двух широких колонн направо, возле ширмы, ожидая очереди, стоят исповедники...

Жду я пять минут, десять... и двигаюсь за ширмы. Под ногами ничего не чувствую, точно иду по воздуху... Подхожу к аналою, который выше меня... Я чувствую близкое соседство священника, запах его рясы, слышу строгий голос, и моя щека, обращенная к нему, начинает гореть. Многого от волнения я не слышу, но на вопросы отвечаю искренно, не своим, каким-то странным голосом, и мне хочется плакать, просить прощенья.

- Тебя как зовут? - спрашивает священник, покрывая мою голову мягкой епитрахилью.

Как теперь легко, как радостно на душе!

Грехов уже нет, от меня уже пахнет так же, как от рясы, я иду из-за ширмы к дьякону записываться и нюхаю свои рукава. Церковные сумерки уже не кажутся мне мрачными.

- Как тебя зовут? - спрашивает дьякон.

- Федя.

- А по отчеству?

- Не знаю.

- Как зовут твоего папашу?

- Иван Петрович.

- Фамилия.

Я молчу.

- Сколько тебе лет?

- Девятый год.

Придя домой, я, чтобы не видеть, как ужинают, поскорее ложусь в постель. Мне слышится, как в столовой накрывают на стол - это собираются ужинать; будут есть винегрет, пироги с капустой и жареного судака. Как мне хочется есть!

- Боже, очисти меня, грешного, - молюсь я, укрываясь с головой.

- Ангел-хранитель, защити меня от нечистого духа.

На другой день, в четверг, я просыпаюсь с душой ясной и чистой, как хороший весенний день. В церковь я иду весело, смело, чувствуя, что я причастник, что на мне роскошная и дорогая рубаха, сшитая из шелкового платья, оставшегося после бабушки. В церкви все дышит радостью, счастьем и весной; лица причастников озарены надеждой, и, кажется, все прошлое предано забвению, все прощено...